

ЮРИДИКАЛИЗАЦИЯ И МЕДИКАЛИЗАЦИЯ «ДЕТСКОГО» ДИСКУРСА И ИХ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В.В. Бурсевич¹

В современном мире в связи с кризисом института семьи особенно обостряется проблема ответственности, связанной с рождением детей. Можно сказать, что в социальном поле появился особый «детский» дискурс, формирующий человеческие отношения в семье, цели и приемлемые способы воспитания ребенка. Безусловно, «детский» дискурс можно обнаружить и ранее, все-таки проблема воспроизводства всегда была для человека насущной, но сегодня дискурс «детства», попадает под влияние современных процессов юридикализации и медикализации, сущность и последствия которых мы предполагаем рассмотреть в данной работе.

Определенные изменения в отношении к детям объясняются уже тем, что в современном мире с его новыми экономическими связями люди живут преимущественно в нуклеарных семьях. Если, как отмечал Ю.М. Лотман, еще несколько веков назад человек не отделялся от рода – отсюда, распространенная практика уничтожать в политической борьбе не только противника, но и все его семейство, которая объясняется не столько опасениями мести или жестокостью, сколько тем, что человек тогда просто не рассматривался как автономная единица [1]. Сегодня же институт семьи не столько находится в кризисе, сколько изменяет свою вековую форму с традиционной расширенной на ограниченную лишь семейной парой и ее потомством форму. В связи с этим ответственность полностью перекладывается с плеч многочисленных родственников на родителей.

Процесс усиления давления на родителей связан и с происходящим в 20 веке изменением в самом статусе ребенка. По мнению Э. Эриксона, одной из инноваций 20 века было формирование в современном психологическом, культурном и юридическом дискурсе такого субъекта как ребенок [5]. Если еще недавно ребенок был лишь недооформившимся, т.е. ущербным взрослым, то в современном мире, возможно, не на долго, сформировалась целая индустрия по производству особого «детского мира»: игрушки, одежда, культурные продукты, права по защите детства, советы по опеке и т.д. Еще век назад немыслимо было представить, что в новостных сводках при описании катастроф дети бы шли отдельной строкой, как наиболее значимые и прискорбные жертвы, а родители могли бы быть лишены своих исконных прав за «ненадлежащее исполнение обязанностей», но сегодня это воспринимается как само-собой-разумеющееся.

¹ Бурсевич, В.В. Юридикализация и медикализация детского дискурса и их последствия (тезисы в печати) / В.В. Бурсевич // Философия и ценности современной культуры: материалы Международной научной конференции, Минск, 10–11 октября 2013 г. / А.И. Зеленков [и др.] ; редкол.: А. И. Зеленков, А. А. Легчилин, В. Т. Новиков ; М-во образования, БГУ, ГНУ «Ин-т философии НАН Беларуси». – Электрон. текстовые данные. – Минск : БГУ, 2014. – С. 525 – 529.

Объяснить произошедшую в 20 веке актуализацию проблемы детей и формирование «детского» дискурса можно тем, что таким образом проявляют себя механизмы латентной власти, столь тщательно проанализированные Л. Альтюссером, М. Фуко и Р. Бартом. Любое общество должно постоянно воспроизводить лежащие в его основе социальные отношения, материальные и ментальные условия своего существования, а главное, индивидов, которые воспринимают это общество как данность. В связи с этим период детства является наиболее оптимальным для создания нужного государству типа субъекта. Даже нерожденный ребенок благодаря формирующей силе идеологических практик, или «интерпелляции» [4] оказывается включенным в сеть категорий (пола, социального положения, имени), в которые он должен помимо своей воли интегрироваться. Идеологический механизм идентификации основан на удвоении субъекта: с одной стороны, в виде всегда-уже уготованного места в социальной структуре, с другой – в виде псевдодобровольного взятия на себя роли субъекта в ходе интерпелляции. При этом также происходит переворачивание отношений, поскольку субъект считает себя источником и творцом, на самом деле являясь эффектом идеологического «окликанья».

С другой стороны, как бы это ни казалось ужасно, сам процесс идеологической интерпелляции остается неизбежным: до тех пор, пока мы живем в мире субъективности – субъект всегда будет продуктом идеологии. Другое дело, что в сегодня процесс формирования субъекта-ребенка осуществляется через призму специфических категорий, что приводит к некоторым негативным этическим и социальным последствиям.

Во-первых, мы живем в эпоху «Декларации прав» не только человека, но и ребенка, а это означает процесс повсеместной юридикализации «детского» дискурса. Понятия «ребенок», «семья» тесно оплетены сетью юридической терминологии и ассоциируются, в первую очередь, с набором прав и обязанностей, что и порождает ряд последствий. Возможно, именно под воздействием гипертрофированной юридикализации довольно большая часть населения, за частую более образованная его прослойка, интеллигенция, привыкшая к юридическим обязательствам относится серьезно, и к созданию семьи, рождению ребенка начинает относиться с осторожностью, как к договору с пожизненной ответственностью сторон. Отсюда демографические проблемы Европы, связанные с распространением child free движения: ведь, безусловно, право на свободу и самовыражение выглядит гораздо привлекательнее целого перечня юридических обязанностей, связанных с воспитанием потомства. Этим же можно объяснить и нежелание заводить большое количество детей, поскольку здесь вступает в силу не эгоизм, а чувство юридической ответственности обеспечить детей всем необходимым, «достойным» детством и образованием.

В случае же сознательного желания завести ребенка юридический дискурс в полном соответствии с идеей паноптикума М. Фуко идет по пути тотального контроля. Постепенно практически все те сферы, которые до некоторого момента оставались за рамками регулирования, сегодня приоб-

ретают юридический статус, начиная с момента зачатия ребенка, который обретает юридическую проработку в законах о новых репродуктивных технологиях, и заканчивая санкционированным убийством ненужных обществу младенцев.

Во-вторых, параллельно с усиливающейся юридикализацией «детский» дискурс попадает под влияние представителей другой древней профессии, т.е. врачей, компетенция которых, по мнению М. Фуко, уже давно трансполировалась за пределы только «техник врачевания и необходимых умений» [3], но включает в себя полноценный надзор за человеческим умом и телом. Не осталась за рамками медиализации и сфера детства, на примере которой особенно отчетливо видно, что медицина уже давно является одним из легитимирующих инструментов власти. Это проявляется, например, в рассмотрении вопроса о рождении ребенка, где, по мнению О.М. Сасункевич, «борьба за контроль над женским воспроизводством, над представлением о том, сколько и когда рожать, как долго находиться в отпуске по уходу за ребенком и идти ли в него вообще, кормить грудью или не кормить, есть на самом деле борьба за символическую власть определять, что является нормой, а что – патологией, и, следовательно, за власть контролировать и поддерживать определенный социальный порядок, основанный на системе неравенства» [2]. Или, например, в дискурсе детских прививок, который из локальной медицинской проблемы приобретает статус вопроса заботы о будущем поколении. В целом, медиализация конструирует в качестве цели любой «нормальной» семьи рождение и воспитание только здорового и желанного ребенка, как если бы нездоровый ребенок был бракованным товаром, не имеющим права на существование и опеку семьи и государства, результатом чего уже является ужасающая статистика абортов.

Принимая во внимание все вышеописанные процессы, остается лишь надеяться, что постепенно в своем переходе от дискурса кровной принадлежности, от экономического дискурса, от дискурса юридического и медицинского семья и детство перейдут, наконец, в дискурс любви и заботы.

Литература

1. Лотман, Ю.М. Статьи по семиотике и типологии культуры: в 3 т. / Ю.М. Лотман. – Таллин: Александра, 1992. – Т. 1. – 480 с.
2. Сасункевич, О.М. Медиализация дискурса о материнстве в белорусских медиа / О.М. Сасункевич // Журнал исследований социальной политики. – Т. 7. – № 3. – С. 405-418.
3. Фуко, М. Рождение клиники / М. Фуко. – М., 2010. – 256 с.
4. Althusser, L. On ideology / L. Althusser. – London, New York: Verso, 2008. – 186 p.
5. Erikson, E. H. Childhood and society / E. H. Erikson. – Vintage, 1995. – 397 p.